

картине можно рассмотреть на примере рисунка художника при создании его самой известной картины «Цветущая сирень» (1902). В акварельном рисунке, представленном на выставке, первоначальный вариант работы включал в себя две фигуры монахов. Одну — на переднем плане, вторую — вдалеке, входящую в ворота. Впоследствии фигура монаха, находящаяся на заднем плане, была преобразована в самостоятельную работу в технике пастели. Находится в собрании Национального художественного музея Украины. Одним из первых цветовых и композиционных решений можно считать эскиз, выполненный акварельными красками на маленьком листе плотной бумаги размером с визитную карточку — всего 5,5 на 9,9 см. Последующим вариантом является акварель большего размера, где цветовое решение уже гораздо ближе к самой картине «Сирень». Затем двухфигурное решение заменяется художником на однофигурное и преобразовывается в две отдельные картины.

Не менее интересен пейзажный этюд к картине «Свидание. Северный мотив» (1883 — 1884). Это один из самых ранних этюдов к работе, местонахождение которой неизвестно. «Свидание» экспонировалась на выставке передвижников в 1885 году и на I выставке Товарищества южнорусских художников в 1890 году. По воспоминаниям Михаила Костанди, картина была приобретена одесским коллекционером Анатра и везена им за границу. Однако художник Петр Нилус в своей статье о К.К. Костанди в газете «Одесские новости» за 7 (20) февраля 1910 года пишет, что работа «Свидание» находится в собрании И. Вульфа.

Составить общее представление об этой картине я могу лишь по сохранившемуся рисунку, на котором изображены молодой парень с девушкой на полянке на фоне пригорка, по этюду крестьянской девушки, выполненному масляными красками в 1883 году, и по пейзажу, который представлен на выставке и является задним планом произведения.

В 1903 году художником была написана работа «Монах в саду», которая фигурирует в списке основных произведений К.К. Костанди в монографии А.Н. Шистера (1975 г.), местонахождение картины также неизвестно, к ней сохранились лишь карандашный рисунок и фотография самого произведения, оформленного в раму.

Весной 1894 года Костанди вместе с художниками-членами ТЮРХ Петром Нилусом и Евгением Буковецким отправляется в творческую поездку в Париж, а оттуда — в Австрию и Германию. Блокнот № 13 представляет собой своеобразный дневник этого путешествия. В нем можно увидеть записи на французском языке с произношением на русском, фамилии художников эпохи Возрождения с датами жизни, зарисовки улочек, архитектурные пейзажи, горожан, отдыхающих в парке на скамейках, фигуры в кафе, на вокзале, в поезде, рисунки с картин известных художников в музеях и др.

Последние работы художника, которые можно увидеть на выставке — это вечерний этюд санатория на Французском бульваре (1921 г.) и один из карандашных набросков автопортрета, которые Костанди рисовал у себя в комнате по вечерам.

Наряду с картинами Кириака Костанди в экспозицию вошли работы его учеников, потомков и последователей: В. Цымпакова, В. Синицкого, А. Стилиануди, М. Костанди, Л. Костанди, А. Хршановского; а также личные вещи, документы и фотографии художника.

Александр БИРШТЕЙН Хащ, Хащик, Хащинька

В середине 60-х мы еще понятия не имели о бардах и авторской песне. Мы знали песни и стихи Булата Окуджавы, песни Высоцкого... Всех остальных нам заменял Юрка Хащеватский. Он знал огромное количество песен и пел, пел для нас.

Потом, много позднее, мы узнали, что тексты написали Бродский и Визбор, Городничий и Клячкин, Ким и Кукин, ну и Галич, конечно. О, у Юры был хороший вкус!

Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривоногому мальчику вторя.
Да не будет дано
и тебе, облака торопя,
в темноте увидеть
мои слезы и жалкое горе.

Дальше Юрка не знал, но ведь здорово же, как здорово! А «Стансы городу» я прочел много лет спустя... Как с родным человеком после долгой разлуки встретился...

Пел он и наши песни. Моих «Волчат», свою «Пиковую даму», и «На военно-грузинской дороге», и, конечно, замечательную песню Юры Макарова, Вали Крапивы и Юры Воловича «А помнишь, Вася...». Нет, сухо получается. Надо хоть чуток цитировать.

Из волчат не всегда получаются волки,
А из львят не всегда получаются львы.
Сколько Маленьких Принцев
пропадало без толку,
Сколько старых мерзавцев
оставалось в живых...

— это мое.

Ну с кем не бывает, и так каждый год.
Ведь не святые и даже не боги.
И впереди поворот, и позади поворот,
Как на Военно-Грузинской дороге...

— это Юркино.

А помнишь, Вася, какое было время,
А помнишь, Федя, революция была.
Сначала мы передавали всех евреев,
Потом «Авророй» грохнули царя.

Теперь-то видно, что боролись не зазря,
А за советскую власть!

— это двух Юр и Вали.

Подпевайте, а!

Собиралась наша немаленькая компания или у Юрки, или во Дворце студентов. Выпивали по чуть-чуть, разговаривали и, конечно, пели. Часто устраивали соревнования — пишущих стихи в компании было много: задавалась тема, писались тексты, а Юрка на лучший, с его точки зрения, подбирал музыку и исполнял уже готовую песню. Песни были, как сейчас говорят, рискованные. Как-то я даже из-за них нарвался на неприятности. Стал ловить двойки на сессии. Видно было, что преподаватели меня жалуют, в ведомость оценки не ставят. Просто, отводя глаза в сторону, отправляли «учить еще». «Непобедимая и легендарная» уже была близко-близко. Однажды ко мне подошел наш институтский «маленький органист» (маленький работник больших органов, по определению Хаща) и отвел в сторону. А потом, достав магнитофон, озвучил мне мои песни. Я стоял огушенный.

— Ты все понял? — спросил органист.

— Все... — прошептал я.

— И больше не будешь?

— Не буду... — к своему позору сказал я.

— Ладно, иди — сдавай сессию!

Я пошел и сдал. А Юрка так легко не отделился. Он поставил на конкурсный вечер спектакль по книге Людвика Ашкенази «Черная шкатулка». Была зима 1968 года. Еще не прошла Пражская весна. Наши танки еще оставались в Праге. Ашкенази покинул Чехословакию, выступал на «Свободе»... Юрка и тогда еще показал нам пример порядочности и мужества.

Юру отчислили из института. Правда, через год восстановили...

А я долго-долго страдал и мучился, гадая, кто. Ведь на квартире Юры, когда придумывались эти песни, были все свои. Родные люди! Так откуда у «органиста» эти записи? И не год я думал над этим, и не два, а много-много больше лет было отравлено. А все оказалось просто.

— Так там же были микрофоны подслушки! — сказал один мой опытный знакомый, когда я рассказал ему эту историю.

Микрофоны... А вот к ним, настоящим микрофонам на эстраде, Юру старались не подпускать. Я помню, как отменили первый конкурс бардовской песни в санатории «Россия», когда увидели в списке тех, кто собирался выступить, Юру. Плюс он еще отказался предоставить тексты песен, которые он собирался исполнять. Если честно, никаких текстов, напечатанных на машинке,

у него и не было. Помнил все и так. А что не нравилось — исправлял.

Однажды я из-за Юркиного исправления нарвался. У меня песенка была про ящеров. О том, что с ними сделала эволюция. Слово «эволюция» Юре не показалось. Вот он исправил его на «революцию». Вот и получилась песня о том, что революция превратила больших и красивых ящеров в маленьких ящериц. Были неприятности...

Думаете, я сильно расстроился? Совсем нет. И не злился. На Юру невозможно было злиться. Он ведь очень добрый человек.

Талантлив был... Собственно, почему был? И есть! И сегодня у него юбилей. Но об этом — позже. А сейчас — о театральной студии, где Юрка верховодил. Помню, незадолго до того в город приехал ленинградский Ленком со спектаклем «Зрима песня». Ну, и нам захотелось попробовать. Юра придумал и поставил «Робинзона» по Феликсу Кривину и «Гренаду» Светлова. Робинзон был страшен, очень неожиданен и... очень достоверен. Представляете железного человека — Робинзона с винтовкой. И Пятницу, повторяющего все, что делает Робинзон.

Человек простой и неученый,

Всей душой хозяина любя,

Пятница поверил в Робинзона,

Робинзон уверовал в себя.

А Робинзон заряжает винтовку. И Пятница за ним. Неуверенно сперва, а потом все уверенней.

Он уверовал в свое начало

И в свои особые права.

И — впервые слово прозвучало.

Робинзон произносил слова.

Робинзон показывает, как нужно целиться.

И Пятница овладевает и этим. Что дальше?

Ну, вы уже поняли. Робинзон командует. А

Пятница — свободный человек — стреляет!

Первое пока еще несмело,

Но смелей и тверже всякий раз,

Потому что, став превыше дела,

Слово превращается в приказ.

И оно становится законом,

Преступать который — смертный грех.

Ибо должен верить Робинзону

Пятница — свободный человек.

Как вам? Ничего не напоминает? Скольких Пятниц научили стрелять друг в друга Робинзоны, стоящие на броневичках?

А «Гренада»... Это был рассказ о спекулянте-фарцовщике, промышленявшем импортными вещами. Неожиданно? А у Юрки все неожиданно. Он и мыслит какими-то непонятными сначала образами и категориями. Стоишь, пожимаешь плечами, а потом, когда доходит, поражаешься: ну как, как я до этого не додумался? А Юра — не «додумывается», он так думает.

И еще. Я ему обязан написанием одного из лучших своих рассказов-притч. Однажды в разговоре Юра сказал:

— Хочу написать повесть «Шлёма и генералиссимус».

Больше ничего и не сказал. Только заглавие. Шлёма — это Михоэлс, а генералиссимус — и так понятно.

Чем-то меня это название зацепило. День мучился, два. А потом начал писать. Половину текста написал, а потом спохватился. Нехорошо! Звоню в Минск, каюсь. А Юра смеется:

— Пиши на здоровье!

Написал... До сих пор люблю этот рассказ нежно.

Он хотел стать режиссером и стал им. Спектакль, художественный фильм, успех. Но Юра решил: не то! — и занялся кино документальным. И опять успех, да еще какой. Я перечислю только награды за фильм «Обыкновенный президент».

Премия имени Сахарова российского Союза писателей «Апрель» (Москва, 1997).

«Кинопремия мира» Берлинского международного кинофестиваля (форум) в 1997 г.

Гран-при Human Rights Watch (Нью-Йорк, 1998).

«Golden Gate Award» (Сан-Франциско, 1998).

А вообще я насчитал более дюжины престижных наград за документальное кино.

Юра Хащеватский сейчас живет в Минске. Снимает, ведет программы, короче, занят. В Одессе давно не был...

И, повторюсь, сегодня у него юбилей!

Будь счастлив и здоров, Хащ, удачи тебе и радости, успехов и времени.